

радостью пожнут», «труды плодов твоих снеси», «изведи из тьмнице душу мою», «положи устом моим хранило» и т. п. Особую картинность дают постоянные персонификации: как земля, которая должна поклониться и петь; вопль сердца, идущий до бога, сердце, которое возвеселится или смятется и т. п.; метонимии, как например изображение понятия боевой силы конской силой или мужескими лыстами; синекдохи, как «сильно на земли будет семя их» или «зубы грешника сокруши»; гиперболы, как «положу на море руку его и на реках десницу его» и т. п.

Псалтирь содержит и бесконечные примеры употребления технических средств для концентрации внимания на отдельных мыслях и для усиления эмфатичности и экспрессивности, которые мы находим и в южнославянской агнографии. В отношении содержания усиление внимания к определенному представлению или мысли чаще всего достигается нанизыванием синонимов или близких понятий и образов, как например «да постыдет се и посрамет се»; «что добро или что красно еже жити братии вкупе»; «видех нечестиваго превъзнеса се и висеца се»; «на те утврдих се от утробы, от чрева матере моеѣ ти еси мои покровитель»; «Господь просвещение и спаситель мой, от кого се убою — Господь защититель животу моему, от кого се устращу?»; «не даст сына своим очима ни бръвама своим дремания»; «суди, господи, обидещим ме и възбрани борющим се с мною» и т. д.; «мъни бѣх в братии моѣи и юнеи в дому отца моего»: «свезати царе их пути и славниѣ их ручными окови железными»; «съкруши врата медная и вереѣ железниѣ съломи»; «въскликнете богу вса земля, пойте же имени ѿго, дадите слову хвале ѿго»; «блажени имже отпуштена суть безакония и им же прикрыше се греси их»; «не яростию твоею обличи нас, ни гневом твоим покажи нас»; «милость и истина сретоста се, правда и мир облобываста се» и т. д. Обычно употребление внешних акустических средств — тавтологии, слов одного корня, аллитерации и консонанса, как например: «Господи в помощь мою въими, господи на помощь мою потъщи се»; «убоѣше се страха, идеже не бе страха»; «невидением неправедным възненавидеше ме»; «объшедше обидоше ме»; «предзрех господа пред мною»; «что въздам господеву за вса яже въздаст ми»; «хвалите господа вси ѿзици, похвалите ѿго вси людие»; «похоти им принесе и не лишише се от похотей своих» и т. д. В Псалтири имеются и такие специфически поэтические средства экспрессивности, как анафора: Хвалите... в Псалмах 148 и 150 или «от страже утрення до нощи, от стражи утрення да уповает Израил на господа»; рефрен: «яко во век милость его» в Псалме 135. Тут встречаем и примеры риторического вопроса: «какo воспoю пeснь гoспoдню на землѣ чуждeи?»; внутренний монолог, «вскую прискрбна еси душе моя и вскую смущаеши ме?».

Я позволил себе привести эти многочисленные примеры стилистических фигур из Псалтири, поскольку все они взяты из цитат у Доментиана и вместе с тем представляют его литературный стиль. По тому же типу псаломных фигур он строит свои перифразы и сравнения, контрасты и антитезы: «помощь безпомощным, надежда ненадеющимсе»; «о земляних пеки се, небесная предзреаше»; нанизывает синонимы, понятия и образы близкого значения: «духом смиренным, срцем скрушением»; «прошения подавая, нагие одевая, алчние питая»; вставляет длинные автомонологи и риторические вопросы: «Кои ли плач начневе о разлучении?»; «кою похвалу возможем принести ти, о богоносе?»; пользуется тавтологиями и ассонансом: «ненудимое милосрдие понудивши»; «радостью радуе се»; «боголюбива Ана... роди по воли божи сына от благаго корене, отрасль богопрозeбьну, о нем же богосветлую радость приемша... благодариста благодетеля своего»; охотно пользуется эпитетами из сложных древних